

Солнце всходит, и каждый новый день приносит что-то свежее, но это вовсе не означает, что прошлое так просто отпускает.

Рука Линь Тина легла на дверную ручку класса А, и он невольно замер. Взгляд его приковало к ушибленному предплечью. Он не был рожденным для сражений богом войны, и Линь Тин тоже устал, тоже подвергался периодам душевного упадка. Но реальность не оставляла ему выбора.

Он слегка нажал на ручку, дверь подалась, и в лицо ударили десятки недоброжелательных взглядов. Линь Тин, понурив голову, проскользнул вдоль стены, словно испуганный перепел. Его старались не замечать, но взгляды всех присутствующих все равно были прикованы к нему. Не торопясь, он дошел до своего места.

Однако там сидел незнакомый мужчина. Его длинные, до пояса, волосы обрамляли лицо с тонкими, аристократичными чертами. Мужчина был до неприличия красив, даже вызываяще прекрасен, а очки на переносице лишь добавляли его облику налет холодного самообладания.

Увидев, что его место занято, Линь Тин не стал ничего говорить. Он молча направился к другой свободной парте. Малословный, терпеливый и угрюмый, он казался мягким и податливым — именно таким, каким его больше всего презирал Гуань Шань.

Гуань Шань, старший брат Гуань Ся, с детства воспитывался как элита. Обладая высочайшим интеллектом, он во всем стремился к совершенству. Стоя на вершине, он свысока, с равным презрением взирал на всех, в ком видел хоть какой-то изъян. Поначалу Гуань Шань не желал иметь ничего общего с таким существом, как Линь Тин, но...

Он постучал пальцами по столу, останавливая Линь Тина:

— Постой. Это ты избил моего брата?

Линь Тин медленно обернулся и только сейчас заметил, что рядом с длинноволосым красавцем сидит Гуань Ся — весь в синяках и ссадинах. Тот, почувствовав поддержку, победоносно смотрел на него.

Улики были налицо: на щеке Гуань Ся еще проступала кровь из-под пластыря. Линь Тину нечем было крыться, и он лишь молча кивнул:

— Прошу прощения, я его ударил. Но ваш брат первым привел людей и напал на меня.

Услышав это, Гуань Шань холодно бросил взгляд на Гуань Ся, явно считая позором, что тот, начав первым, умудрился так сильно пострадать. Но даже при том, что брат был никчемным, Гуань Шань собирался его защитить. Он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и закинул ногу на ногу, грациозный, словно павлин. И он действительно был павлином.

Гуань Шань задрал подбородок и свысока посмотрел на Линь Тина:

— Даже если мой брат неправ, пока я здесь, тебе не позволено поднимать на него руку. Давай так: я дам тебе выбор. Ты стоишь смирно, мой брат тебя избивает, и мы в расчете. Иначе я...

Не дожидаясь, пока тот закончит, Линь Тин тихо произнес:

— Мы не будем в расчете. Если я сейчас уступлю, завтра ваш брат снова придет с толпой, чтобы достать меня.

Сказав это с легким оттенком обреченности, Линь Тин вздохнул:

— Ладно... судя по всему, вам не понять моих трудностей.

Линь Тин стоял у окна, тонкий, одинокий и бессильный. Он поднял глаза на Гуань Шаня и серьезно предложил:

— Можете переходить ко второму варианту.

Закончив фразу, он с обыденным выражением лица сжал кулак и с силой ударил по стеклу рядом с собой. Не обращая внимания на боль в костяшках, он голыми руками перехватил самый острый осколок. Лишь когда стекло расколо ладонь, он слегка поморщился. И морщился он не столько от боли, сколько от мимолетной зависти.

Он завидовал тому, что Гуань Ся может получить побои и тут же побежать домой жаловаться брату. Линь Тин испугался этой мысли, но тут же одернул себя: он просто устал, ему тоже хотелось найти место, где можно опереться на кого-то. Это желание не казалось чем-то запредельным — он лишь хотел отдохнуть, совсем чуть-чуть. Он никогда не хотел никого обременять.

Ему стало стыдно за свою слабость, и взгляд его стал еще острее. Он взмахнул осколком и бросился на Гуань Шаня, выглядя так, будто собрался его прикончить. Но Линь Тин знал меру: осколок лишь замер у шеи Гуань Шаня, а с его собственной ладони на воротник мужчины капнула горячая кровь.

Голос Линь Тина звучал слабо, но тон был вполне доброжелательным:

— Давай на сегодня закончим. Я не могу позволить Гуань Ся себя избить. И дело не в гордости или страхе боли. Просто если я позволю ему это сегодня, завтра он постарается меня убить. Надеюсь, ты поймешь.

Гуань Шань покосился на острое стекло у своей шеи и невольно усмехнулся. Впервые в жизни он оказался в столь жалком положении. Он был выше Линь Тина, длиннорукий и широкоплечий, и сейчас они стояли вплотную. Впервые в жизни Гуань Шань утратил всякое самообладание и ввязался в настоящую драку.

На самом деле Гуань Шань был выдающимся человеком: самый молодой и талантливый главный инженер, создатель бесчисленного множества мощнейшего оружия, гордость Парящего города. Но драться он совершенно не умел. Его сущность была подобна гордому павлину, чья главная сила — в колоссальном багаже знаний, а не в физической мощи.

Линь Тин даже озадаченно моргнул, не зная, стоит ли опускать занесенный кулак. Когда чаша весов уже склонилась в его сторону, кто-то схватил его за горло. Психическая энергия противника придавила его конечности, и это было крайне мучительное ощущение.

За спиной Линь Тина раздался голос Шэн Няня:

— Сосед, а почему ты вчера не вернулся в общежитие?

Линь Тин был смертельно устал — устал до такой степени, что подумал, почему он вчера не прикончил Шэн Няня. А потом пускай люди Ляо Шаня запрут его, чтобы он никогда больше не выходил наружу. Мысли становились все более радикальными, и рука, сжимающая осколок, напряглась еще сильнее. Когда струна натянута до предела, она неизбежно рвется. Весь этот месяц Линь Тин дрался без конца, а он ведь был человеком — из плоти и крови.

Он всегда твердил себе, что не боится боли, но это не значило, что ему не было больно.

В этот момент раздался мягкий женский голос:

— Впереди Шэн Нянь, верно? Тот студент, которого ты держишь, выглядит очень плохо. Отпусти его...

Шэн Нянь опустил взгляд на Линь Тина и почувствовал, что тот сегодня какой-то другой — словно внутри него поселилась мертвая тишина. Шэн Нянь медленно разжал пальцы. Линь Тин все еще судорожно сжимал осколок, но тот уже не касался шеи Гуань Шаня. Гуань Шань недовольно отступил, думая про себя: откуда только взялась эта бешеная собака?

Атмосфера немного разрядилась. Шэн Нянь похлопал Линь Тина по плечу:

— Эй, положи стекло.

Линь Тин не ответил, продолжая стоять с остекленевшим взглядом. Шэн Нянь перестал улыбаться и потянулся к его запястью.

Но тут к ним подошла та самая женщина. Она выглядела мягкой и спокойной, но в ее взгляде читалась такая выдержка и уверенность, какой не было ни у кого из присутствующих молодых людей. Она осторожно взяла Линь Тина за руку, а другой рукой погладила его по голове и ласково произнесла:

— Хороший мой, положи стекло. Разве тебе не больно?

Линь Тин медленно перевел взгляд на ее лицо. Черты показались ему смутно знакомыми. Голос, которым она говорила, напомнил ему о том, как мама когда-то успокаивала его в детстве, прежде чем навсегда остаться в том темном переулке.

Женщина мягко, но решительно забрала у него стекло. В этот миг что-то внутри Линь Тина, самое хрупкое, окончательно сломалось. К горлу подступил ком, и, прежде чем он успел потерять контроль, женщина взяла его за запястье и повела прочь из класса А.

— Пожалуйста, расступитесь, мне нужно отвести этого студента к врачу.

Все в классе А невольно посторонились. Женщина казалась кроткой, но в ней чувствовалась непреклонная воля.

Су Линвэнь вывела Линь Тина в коридор, повернулась к нему и с улыбкой взъерошила его волосы:

— Малыш, помнишь тетю?

Линь Тин смотрел на женщину, словно сквозь время видел ее лицо в молодости. Он вспомнил гостиную своего дома, где она держала в руках модель мехи и улыбалась — уверенно и ярко. Он называл ее тетей Су. Но Линь Тин всегда говорил, что не помнит ничего из детства, не помнит свою маму.

Он покачал головой:

— Не помню.

Су Линвэнь продолжала улыбаться:

— Ничего страшного. Главное, что тетя Су тебя помнит. Пойдем, пообедаешь у меня.

Она добавила с шутливой ноткой:

— Не бойся, я не похитительница детей.

Линь Тин кивнул и последовал за женщиной, которую встретил в далеком детстве. Сев в аэрокар, они долго петляли по городу, пока Линь Тин не оказался у знакомого особняка. В саду росли старые, могучие деревья — это был дом Шэнь Чжоу Ю.